

Мариан Вуйтович

Элементы стереотипности и оригинальности в традиционных книжных записях древнерусских писцов

Studia Rossica Posnaniensia 30, 87-94

2002

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЭЛЕМЕНТЫ СТЕРЕОТИПНОСТИ И ОРИГИНАЛЬНОСТИ
В ТРАДИЦИОННЫХ КНИЖНЫХ ЗАПИСЯХ
ДРЕВНЕРУССКИХ ПИСЦОВ

ELEMENTS OF STEREOTYPY AND ORIGINALITY IN TRADITIONAL
RECORDS OF COPYISTS OF OLD RUSSIAN MANUSCRIPTS

МАРИАН ВУЙТОВИЧ

ABSTRACT. Traditional records (colophons) including the information about the copyist, a person ordering a manuscript, and also about the date and the place of its completing are met in the earliest Old Russian codices. With time, initial and usually extensive contents of these records are transformed. In the result of evolution (omission of obligatory elements, simplification of structure), the manuscripts become short and stereotypical records. Simultaneously, writers introduce numerous original elements to the records in order to prevent the decay and degradation of traditional formulas.

Marian Wójtowicz, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Instytut Filologii Rosyjskiej, al. Niepodległości 4, 61-874 Poznań, Polska – Poland.

Христианизация Киевской Руси при Владимире Святославиче имела определяющее значение для возникновения и дальнейших судеб древнерусской письменности. Приняв восточную традицию христианства через посредство Византии, Русь вошла в круг письменных народов. Это историческое событие открыло перед ней путь приобщения к сокровищнице духовной культуры христианских народов Европы, создавало широкие возможности ее культурного развития. Введение христианства означало внедрение сложной системы идеалистического мировоззрения, основу которой составляла триада: Бог – слово – человек, представляющая собой неразрывное единство элементов, из которых первый являлся абсолютной доминантой, последний же ее субдоминантой. Второй член триады – Слово (λόγος), содержащее в себе божественное начало, было связующим звеном между областью *sacrum* и *profanum*. Новая религия нуждалась в письменности и книжности для обслуживания потребностей церкви, которая с самого начала распространения христианства была активно заинтересована в книгах и являлась основным потребителем письменных текстов.

Первые книги религиозного содержания, появившиеся на Руси после ее официального крещения, пришли, как можно полагать, из Византии. Это мог-

ли быть греческие книги, а также славянские книги, попавшие в византийские монастыри на Афоне и в Константинополе в период развития культурных связей между Византией и Болгарией при царе Петре, созданные до середины X в. в болгарских скрипториях¹. Проникновению на Русь славянской рукописной книги способствовали прежде всего оживленные непосредственные культурные контакты с Болгарией, причем при Владимире Святославиче существовали близкие отношения с Восточной Болгарией, а при Ярославе Мудром и его преемниках с Западной Болгарией, Македонией и Сербией. И если при Владимире началось „книжное ученье” и распространение южнославянских книг, то деятельность Ярослава положила начало русской письменности². В первое столетие после принятия христианства, по мнению А.И. Соболевского, почти вся переводная и оригинальная литература древней Болгарии была уже известна на Руси и легла в основание древнерусской литературы³.

Вместе с утверждением христианства в больших городах Руси – Киеве и Новгороде, а затем в городах юго-западной ее части, возникают крупные культурные и книжные центры. Первое место в области просвещения и книжной деятельности бесспорно занимал Киево-Печерский монастырь. Вторым по значению центром древнерусской книжности и культуры был Софийский собор в Новгороде. В *Повести временных лет* под 1037 г. упоминается об организации скрипториев, в которых переписывались книги и возникали переводы с греческого на церковнославянский язык. Книги переписывались как в княжеских, так и монастырских мастерских, а при соборных церквях образовывались уникальные книжные собрания. Переписка книг считалась богоугодным делом. Среди переписчиков можно встретить представителей разных социальных слоев. Списыванием книг занимались монахи, попы, епископы, митрополиты и князья. Они не только копировали книги, но и составляли различного рода сборники текстов. Из 144 известных нам по имени книжных писцов XI–XIV вв., по подсчетам Н.Н. Розова, 38 составляли представители белого духовенства, 17 – черного духовенства, 89 – лица, не указавшие на свою принадлежность к духовному сословию⁴. Что же касается писцов духовного звания, то большинство из них были диаконами. В XI в. переписчиками были преимущественно духовные лица, о чем свидетельствуют их подписи на страницах сохранившихся списков рукописей. Однако уже на рубеже XI–XII вв. начинает выделяться группа светских писцов. В связи с возрастающими по-

¹ См.: Г.А. Хабураев, *Первые столетия славянской письменной культуры. Истоки древнерусской книжности*, Москва 1994, с. 162–163.

² См.: Н.Н. Дурново, *Введение в историю русского языка*, Москва 1969, с. 35–36; Б.А. Успенский, *Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.)*, Москва 1994, с. 16–17.

³ А.И. Соболевский, *История русского литературного языка*, Ленинград 1980, с. 28, 134–135.

⁴ Н.Н. Розов, *Книга Древней Руси XI–XIV вв.*, Москва 1977, с. 99; ср. еще: Б.В. Сапунов, *Книга в России в XI–XIII вв.*, Ленинград 1978, с. 116.

требностями в книгах в XII в. появляется профессия книжного переписчика. Для ускорения переписки больших по объему книг работа велась коллективно.

Характерной чертой многих сохранившихся древнейших русских книг являются записи, которые делались писцами на последних листах рукописей. В зависимости от предназначения, цели и типа книги записи обычно разделяют на выходные, владельческие и вкладные⁵. Эти небольшие по величине и разнообразные по содержанию тексты являются основным источником сведений о происхождении отдельных рукописей. Однако не все они в равной степени информативны. Наибольшую по объему информацию несут, как правило, выходные записи.

Обычай помещать выходные записи на книгах, предназначавшихся для вкладов в церкви и монастыри, пришел на Русь из Византии. Пример такой записи, сделанной рукой византийского писца на Порфирьевской псалтыри 862 г., приводит в своем труде по палеографии Е.Ф. Карский⁶. В ней писец обращается к Св. Троице с благодарением по поводу окончания переписки книги, указывает ее название и время написания, называет имя заказчика псалтыри, свое имя и духовное звание, присоединяет просьбу о молитве за писца и о снисхождении к нему. Все эти элементы повторяются в различных комбинациях в южнославянских и древнерусских рукописях, образуя множество вариантов выходных записей. Иногда переписчик присоединял по собственной инициативе новые элементы: указывал обстоятельства создания рукописи, побудительные причины, обращался к заказчику с пожеланиями, отмечал события из его жизни, исторические факты своего времени, демонстрируя свою эрудицию, приводил цитаты из известных ему религиозных книг, обращался к читателям добром помянуть его имя.

Древнейшая из известных русских выходных записей принадлежит попу Упырю Лихому, переписавшему в 1047 г. книгу толковых Пророчеств для новгородского князя Владимира, сына Ярослава Мудрого. Скопированная без изменения с рукописи запись сохранилась в нескольких списках XV–XVI вв. Приведем текст этой записи: „Слава Тебе, Господи, Царю небесный, яко сподоби мя написати книги си ис куриловице князю Влодимиру Новегороде княжашю, сынови Ярославлю Болшему. Почах же е писати в лето 6555 (= 1047) месяца мая 14, а кончах того же лета месяца декабря въ 19. Азь поп Упирь Лихый. Темь же молю всех прочитати пророчество се. Велика бо чудеса написаша нам сии пророци в сих книгах. Здоров же, княже, буди, в век живи, но обаче писавшего не забывай”⁷. В записи новгородского священника, который

⁵ См.: Н.Н. Розов, *Книга в России в XV веке*, Ленинград 1981, с. 19.

⁶ Е.Ф. Карский, *Славянская кирилловская палеография*, Москва 1979, с. 276.

⁷ См.: Е.Ф. Карский, указ. соч., с. 281. Цитаты здесь и дальше приводятся в орфографии подлинника, но с раскрытием титл, замещением букв цифрами в датах, заменой несуществующих букв графическими знаками современного русского алфавита и введением необходимой пунктуации. Примеры записей взяты главным образом из книги: И.И. Резневский, *Древние памятники русского письма и языка*, Санкт-Петербург 1882.

вместо христианского имени назвал себя прозвищным именем, присутствуют все основные элементы, характерные для византийской записи. К ним автор прибавил ряд новых элементов, например, сообщение о том, что книга была списана „из куриловицы”. Это следует понимать как указание на то, что оригинал книги был написан алфавитом, составленным Кириллом, т. е. глаголицей. Запись содержит также рекомендацию книги и краткий комментарий переписчика, который, желая здоровья своему заказчику, выражает убеждение, что князь не забудет его.

Как известно, приведенный выше текст послужил образцом для выходной записи Остромирова евангелия (1056–1057 гг.), списанного с болгарского оригинала диаконом Григорием по заказу новгородского посадника. Писец Остромирова евангелия заимствовал из записи Упыря Лихого лишь общую схему, которую самостоятельно переработал, расширяя и дополняя текст рядом подробностей. Запись состоит из двух частей. В первой части, начинающейся с благодарения Богу, которое буквально совпадает с началом записи попа Упыря, писец указывает год начала и конца переписки книги, называет крестильное и мирское имя заказчика, помещает краткое сообщение о том, кто управлял государством, обращается к посаднику Остромиру, желая ему и всем членам семьи здоровья на долгие годы. Во второй части писец называет свое имя, духовный сан, уточняет время написания евангелия, которое начал „писати месяца октября 21, на память Илариона”, а завершил „месяца мая въ 12, на память Епифана”. Диакон Григорий обращается к тем, кто будет читать книгу, с просьбой не проклинать его грешного, а замеченные ошибки и описки исправлять. Ссылаясь на апостола Павла, писец завершает запись словами: „Благословите а не клънете”. Эта фраза, заимствованная переписчиком из южнославянских книг, стала стереотипной и впоследствии помещалась в послесловиях рукописных и печатных книг вплоть до конца XVIII в.

Если диакон Григорий очень талантливо и творчески воспользовался записью Упыря Лихого, то этого нельзя сказать о некоторых других писцах. Один из них, переписчик книги Пророчеств, не поняв значения выражения „ис куриловице”, переделал запись следующим образом: „В лето 6997 (=1489). Слава Тебе, Господи, Царю небесный, яко сподобилъ мя еси написати книги си ис куриловице при благоверномъ великомъ князи Иване Василиевичи...”⁸.

В 1073 г. дьяк Иоанн переписал для князя Святослава Ярославича изборник, переведенный с греческого языка на болгарский. В оригинале, предназначенном для царя Симеона, находилась уже запись болгарского писца и похвала заказчику книги. Писец Изборника 1073 г. не сделал собственной записи, ограничившись лишь тем, что заменил имя Симеона именем русского князя, а вместо имени писца оригинала подставил свое имя. Краткая

⁸ А.И. С о б о л е в с к и й, *Славяно-русская палеография*, Санкт-Петербург 1908, с. 33.

выходная запись писца Изборника Святослава 1073 г., который добавил от себя фразу, звучащую как упрек князю, совсем не похожа на записи Упыря Лихого и диакона Григория: „А коньць вьсемь книгамь. Оже ти собе не любо, то того и другу не твори. В лето 6581 (=1073) написа Иоаннь диякъ изборник сь великууму князю Святославу”. Эта запись отличается от авторской записи, сделанной писцом Изборника 1076 г., который сообщает: „Коньчяся ся книги сия рукою грешнааго Иоана. Избърано из мьногь книгь княжихь. Иде же криво братие, исправивъше чьтете, благословите а не кльнете, аминь. Кончяхь книжкы сия в лето 6584 (=1076) лето при Святославе князи русьскы земля, аминь”. Обращает на себя внимание отсутствие в обеих записях выражения благодарности Богу и заказчику, что, в известной степени, можно объяснить содержанием книг, не богослужебных, а четьих. Писец назвал лишь свое имя, но не определил общественного положения, не указал также имени заказчика. Он отметил дату окончания работы над книгой и поместил традиционную просьбу к читателям исправлять ошибки, а не бранить его за них. Автор записи был не только переписчиком, но и составителем сборника, материалы к которому он подобрал из книг, находившихся в княжеской библиотеке.

Содержание выходной записи, ее структура и оформление зависели в значительной мере от опыта, начитанности и индивидуальных качеств писца. Кроме записей, отличающихся оригинальностью и стройностью, встречаются тексты компилятивного характера. Примером такой компиляции является запись Евсевия, переписчика Евангелия 1282 г.: „В лето 6791 (=1282). Сконечашася книги сия. Месяца октября 15 день святаго Люкияна прозвютора. Благословить а не кленеть, а кеде буду и се кривило исправляте. Си же писало Евсевии поповиче святаго Иоана. Азь грешнии, господи, помози рабу своему. Коли ся женило Горгии князе а отець ему в угры ходило, тогды скончашася книги сия”. На основании рассмотренных выходных записей старейших из сохранившихся русских датированных книг можно утверждать, что они делались по сложившемуся в Византии древнему стереотипу. Они создавались по общей схеме, которая заключала в себе ряд элементов, расположенных в установленном порядке и выражаемых с помощью определенного набора трафаретных фраз. Конститутивные элементы выходной записи первоначально располагались в следующем порядке: 1) обращение к Богу с благодарением за окончание труда, 2) название книги, 3) время написания, 4) имя писца, 5) имя заказчика книги, 6) пожелание заказчику добра, 7) обращение к читателям с просьбой исправлять при чтении ошибки писца. Из этих элементов первый и последний были обязательными, остальные же реализовались факультативно. К наиболее устойчивым относились такие элементы выходных записей, как название книги, время ее написания, имя писца и заказчика.

С течением времени на русской почве выходные книжные записи подвергаются эволюции. Традиционная формула превращается в стереотипную, текст записи значительно упрощается, опускаются даже обязательные эле-

менты. Типичным примером упрощенной выходной записи является запись Юрьевского евангелия (1119–1128 г.), включающая в себя имя заказчика, имя писца, название книги, предназначенной для новгородского монастыря, время написания книги, которая датируется именем игумена: „Азь грешный Феодоръ написахъ евангелие се рукою грешною святому мученику Георгеви въ манастырь Новугроду при Кураце игумене и Саве икономе. Угриньць писалъ”. Приведем еще несколько примеров упрощенных стереотипных книжных записей, начинающихся с указания времени написания рукописи.

Запись писца Добрилова евангелия 1164 г.: „Въ лето б и 672 (=1164) написаны быша книги сия месяца августъ въ 26 день многогрешнымъ рабомъ и дякомъ святыхъ апостолъ Костянтиномъ а мирьскы Добрило. Семеону попови святого Иоана предтеча”;

Запись писца книги Апостол толковый 1220 г.: „Въ лето 6728 (=1220) месяца августъ початы быша псати книги сия [...], а кончаны быша месяца октябръ в 22 день, на память святого Аверкия епископа”;

Запись писца Триоди постной и цветной до 1200 г.: „Съконьчашася книги сия месяца генъваря 22 святого апостола Тимофея зиме [...] а Моиси псалъ грешный киянинъ, а не клънете мене грешнааго и грубаго”.

Из приведенных примеров видно, что основные элементы выходных записей выражались в застывших, шаблонных формулировках. Особенно часто встречаются стереотипные определения и самоуничижительные эпитеты, выражающие смирение писца, например: „Господи, простите мя грешнаго, убогаго, унылаго, недостойнаго раба своего Якова а мирьскы Дъмка” (Минея служебная 1096 г.), „... написаны быша книги сия [...] рукою маломощнаго а многогрешнаго и недостойнаго человека раба божия дька Алексейка” (Поучения Ефрема Сирина 1377 г.), „... рукою грубаго и худаго, страннаго, последняго въ иноцехъ, смиреннаго многими грехи Варлама” (Иоанн Лествичник 1412 г.). Тенденция к симплификации выходных записей привела к тому, что их текст стал подвергаться сильному сокращению, а записи начали превращаться в краткие приписки, напр.: „Якиме писале въ лето 6604 (=1096) месяца марта въ 26” (Минея служебная 1096 г.), „А писалъ Сава попъ” (Псковский шестоднев 1374 г.). Нередко они принимали форму молитвенного обращения писцов к Богу с просьбой о помощи в их труде: „Господи, помози рабу своему Григорию, аминь. Увы мне грешному, Григорья псалъ” (Минея служебная 1096 г.), „Господи, помози рабу своему Феодору, коньчавъшему книги сия” (Поучения Кирилла Иерусалимского, кон. XI – нач. XII вв.).

С другой стороны, наметилась противоположная тенденция обогащения стереотипной записи новыми, оригинальными элементами. Она противодействовала деградации традиционных книжных записей. Возникновение этой тенденции, несомненно, было связано с процессом профессионализации и секуляризации ремесла „книжных писателей”, ростом состава и значения „мирских людей” в процессе производства книг. Светские писцы в выходных записях выражали отношение к окружающей действительности, своему труду

и его результатам, собственными словами передавали свои мысли и чувства. Под их влиянием изменялись и записи писцов-монахов. Боясь осуждения за допущенные ошибки, писцы оправдываются перед читателями. Они указывают на различные причины своих ошибок. Так, например, в выходной записи Евангелия 1355 г. читаем: „... аще будемъ грубо написали или кде переступиле в глаголании с другомъ или въ дремании, а вы преподобнии отци игумены и попове [...] нас грешныхъ не поклонете Бога дея, занеже есть зла священничья клятва а добро есть благословение”. В записи на последнем листе Евангелия 1307 г. писец Поликарп пытается объяснить, почему нельзя бранить его за ошибки: „Братъе, аще кде буду изъгрубилъ или у тузе, или въ печали, или въ беседе коли с другомъ, а вы Бога дея исыправляюще чтете, зане грех кляти тружающегося Бога ради”. Иногда в записях указываются также другие причины ошибок. Писец Минеи первой половины XV в., предупреждая своих читателей о возможности обнаружения в рукописи ошибок, заявляет: „Груба бо по истине книга сия, груба и всякого недоумения полна, понеже с неисправлена списка писана, а писавый груб”⁹. В Минее 1490 г. писец сообщает, что в тексте могут быть ошибки вследствие того, что книга не была им просмотрена и правлена. В выходной записи он отмечает: „... чтите, а не клените, а исправляйте Христа дея, зане есми сам не поспел прочести и просмотрити”¹⁰.

В некоторых записях сохранились следы заботы писцов о дальнейшей судьбе книг и их сохранности. В Христинопольском апостоле XII в. писец предостерегает тех, кто без уважения относится к книгам: „Еже святыя книги режеть, не дай ему Богъ добра в сий векъ и въ будущий”, а писец Минеи XII в. предупреждает: „О горе тому, кто черькает у книг по полем. На ономъ свѣте те письма исыцеркаютъ беси по лицу жагаломъ железнымъ”. В выходной записи Евангелия до 1359 г. ее автор Андреян напоминает священникам Юрьева монастыря в Новгороде, чтобы они бережно относились к церковным книгам: „... а который попь или дяконъ четь а не застегаетъ всихъ застежекъ буди проклят”. Очень редко в выходных записях встречаются расчеты и сведения, касающиеся цены книг. Запись в Прологе 1481 г. сообщает о количестве тетрадей, цене писчей бумаги и уплате за переписку книги: „А в сей книзе бумаги полдевяты дести (дестъ = 24 листа, – М.В.) да четыре листы, а тотратей (sic!) 70 да одна. А куплена бумага по осми денег дест, а от писма давано по осми денег от тетраг”¹¹. Сравнительно редки также записи, содержащие сведения об исторических событиях общерусского значения. Переписчик Пандектов Никона Черногорца 1296 г. дает в конце рукописи краткую справку летописного характера о голодном времени, объясняя неурожай как наказание за грехи: „Того же лета бысть пооскуду хлеба, а в Суждальской земли голодь

⁹ Н.Н. Р о з о в, *Книга в России в XV веке*, указ. соч., с. 33.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 103–104.

баше. Мнозии худии идяху в Новгородскую волость кормиться; то же баше по грехом нашим, не имеяхом бо любви между собою, но снедаху друг друга завистию”. Закончив в 1383 г. переписку Пролога, поп Гюрги после основного текста традиционной записи поместил лаконичное сообщение: „Того же лета взяша татары Москву городъ на Руси”.

Важным моментом в работе писца было завершение переписки книги. Если в древнейших книжных записях по этому поводу писцы выражают благодарность Богу, то в более поздний период прямо передают свои чувства. Диакон Константин-Добрило, писец Евангелия 1164 г., в таких словах выражает радость по случаю окончания своего труда: „Якоже радуется женихъ о невесте, тако радуется писецъ видя последний листъ”. В Лаврентьевском списке летописи 1377 г. переписчик, стремясь выразить наполняющее его чувство, прибегает к другим сравнениям: „Радуется купецъ прикупъ створивъ и кормчии въ отишье приставъ и странник в отечество свое пришед; тако же радуется и книжный писатель дошед конца книгаг”. Примеров этого типа записей можно привести значительно больше.

Итак, древнерусские писцы были не только простыми копиистами, но и авторами разнообразных по содержанию и форме книжных записей, имеющих большое историко-культурное значение и представляющих собой самостоятельную лингвистическую ценность. В традиционных книжных записях нашла отражение, с одной стороны, эволюция лежащей в их основе триады: Бог – слово – человек, которая стала заменяться триадой: заказчик – писец – читатель, с другой стороны, в них отчетливо проявились стабилизация стереотипных языковых средств выражения мысли и рост оригинальных элементов в структуре текста.